

© 2013 г.

Михаил Молчанов

доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой Университета Сент-Томас, Канада
(e-mail: molchan@stu.ca)

Вера Молчанова

кандидат экономических наук
старший научный сотрудник Сочинского научно-исследовательского центра
Российской академии наук
(e-mail: veramolchan@mail.ru)

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Экономическое развитие России страдает от нехватки вложений в социальный капитал нации. И анализ российской истории, и обзор текущих событий подтверждают, что экономическая модернизация невозможна без освобождения творческого потенциала масс. Экономическое развитие и демократизация общества взаимозависимы: дело не только в том, что демократия зависит от уровня экономического развития страны, но и в том, что рост экономики, в свою очередь, зависит от степени экономических и политических свобод населения. Пока российские элиты продолжают пренебрегать интересами народа, ключевые задачи экономической модернизации останутся невыполнимыми.

Ключевые слова: социальное развитие, модернизация, демократизация, элиты и массы, экономическое развитие России.

Российская экономика находится в состоянии застоя. Согласно оценкам Всемирного банка, одним из признаков стагнации является то, что Россия, несмотря на положительные тенденции экономического развития 2011–2012 гг., не может преодолеть обусловленное прежде всего структурными причинами отставание от ведущих экономик мира¹. Выйдя на 8-е место в мире по размерам валового национального продукта (ВВП) в 2008 году, Россия борется за то, чтобы сохранить его в 2014-м². По темпам развития страна опять отстает от Турции, Бразилии и Южной Кореи. ВВП на душу населения в России составляет примерно одну четверть от

---

¹ World Bank. *Russian Economic Report 29: Recovery and Beyond*. Available via <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2013/02/26/russian-economic-report-29>

² United Nations (2013) *National Accounts Statistics: Main Aggregates and Detailed Tables*. Available via <http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnltransfer.asp?fid=2>

среднемирового, позиционируя страну на 55-м месте в мировой таблице о рангах¹.

В сравнении с этими скромными показателями не лишне вспомнить, что в начале двадцатого века Российская империя была одной из крупнейших капиталистических экономик планеты, занимая пятое место в мире по объему ВВП и объему промышленной продукции и 22-е место в мире по ВВП на душу населения². В начале семидесятых годов прошлого века ВВП на душу населения в СССР составлял 36-38 процентов от показателя США³. В настоящее время этот показатель не превышает 27 процентов⁴. Россия, а не Китай, могла бы быть ведущим государством смешанной государственно-капиталистической экономики, если бы ее национальные ресурсы не были пущены с молотка первым поколением посткоммунистических реформаторов.

Российские и зарубежные исследователи не перестают дебатировать вопрос о причинах фактического краха российской модели развития. Может быть, виновата глобализация, превратившая Россию в сырьевой придаток Европы и Азии? А может, виноваты США и «мировая закулиса», насадившие антинародные элиты в стране уже почти победившего социализма? Но почему российская экономика не может освободиться от ига ресурсных рент и коррумпированных элит? В одной ли экономике тут дело? Один из возможных ответов заключается как раз в своеобразном соотношении политики и экономики, при котором политический ресурс остается главным инструментом получения прибыли, экономические ренты перераспределяются не в соответствии с юридически закрепленными отношениями собственности, а в соответствии с изменчивыми, непредсказуемыми отношениями господства и подчинения, элиты оторваны от масс, а затраты на социальное развитие рассматриваются не как необходимые инвестиции в будущее нации, а как, в лучшем случае, благотворительность, а в худшем – неизбежное зло.

В силу ряда исторических причин российская модель развития ориентирована не на индивидуального предпринимателя, а на властного субъекта. Индивидуальное предпринимательство санкционируется (или нет) властью, причем прибыль максимизируется не за счет минимизации затрат и повышения конкурентоспособности в условиях свободного рын-

---

¹ World Bank. *Indicators / GDP per capita (current US\$) 2008-2012*. Available via <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>

² Kenwood, A.G., and Lougheed, A. L. *The Growth of International Economy: 1820-1990*. London: Routledge, 1992. p. 128.

³ Maddison, Angus. *Monitoring the World Economy: 1820 – 1992*. Paris: OECD. 1995. p. 23.

⁴ World Bank. *Indicators / GDP per capita (current US\$) 2008-2012*. Available via <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>

ка, а за счет устранения конкурента внеэкономическими средствами, монополизации рынка или ценовой манипуляции в режиме полного или почти полного контроля поставок. Соответственно, экономическое развитие в такой модели движимо не инновациями снизу, а властной мобилизацией ресурсов и факторов производства сверху. Поскольку свобода хозяйственной деятельности рядового, не властного субъекта ограничена политическим монополистом, инновационная активность предпринимателя переориентируется с обслуживания потенциального потребителя на обслуживание регулятора, т.е. того же политического монополиста. Лишенный возможности преследовать собственные интересы рыночными методами предприниматель зачастую перестает работать и на интересы общества. Системная логика российской модели развития, таким образом, имеет мало общего с описанной Адамом Смитом логикой «невидимой руки» рынка. Успех (или неуспех) модернизации зависит от качества властной элиты, что не может не ограничивать креативный пул нации. Преодоление этой зависимости позволит перейти к новому витку развития, движимому созидательным творчеством предпринимателя. Однако, вся история России за последние триста лет говорит о трудности такого перехода.

Экономическое развитие России в исторической ретроспективе и перспективе

Царская Россия. Наиболее масштабная российская модернизация была предпринята во время правления Петра I Великого (1672–1725). Почти каждый аспект социополитической структуры был затронут петровскими модернизационными стратегиями – от государственного устройства, экономики, церкви, армии, системы образования, до обычаев частной жизни. Петр I пытался изменить государство и общество путем реорганизации способов управления. Идея создания эффективной системы управления страной, повышения уровня ее бюрократической организованности, предсказуемости, если не прозрачности, была одной из основных задач модернизации. Другой важнейшей задачей было повышение образовательного уровня нации, выдвижение новых элит и кадровое обеспечение реформ. Во власть стали выдвигаться талантливые люди низших сословий.

Следующий масштабный раунд модернизационных преобразований начался в 1860-х годах, с отменой крепостного права. Освобождение крестьян шло параллельно со строительством железных дорог, банковской реформой и созданием специальных крестьянских банков. Экономика отвечала значительным ростом сельскохозяйственного экспорта в 1870-х гг.,

ростом промышленности и торговли, активизацией капиталистического развития.

Во время правления Александра II начались демократические преобразования общества. Крестьянская (1861 г.), судебная (1864 г.), земская (1864 г.), городская (1870 г.) реформы позволили создать городское самоуправление, земское движение, выборные органы местного самоуправления, что привело, в свою очередь, к формированию политических сил, которые добивались права участвовать в разработке дальнейших реформ и принятии важнейших законов. В образованных слоях общества росло недовольство самодержавной монархией, которая опасалась создания в России каких бы то ни было форм парламентаризма и передачи законодательных функций представителям народа.

Национальный кризис наступил после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Огромные военные расходы, государственный долг, негативный торговый и платежный баланс создали стране финансовые проблемы, при этом на мировом рынке упали цены на зерно, что разорило множество производителей и, в свою очередь, снизило внутренний спрос на промышленные товары.

В 1880-х годах на стабилизацию российской экономики была нацелена деятельность правительства под руководством Николая Бунге, который уделил основное внимание государственной социальной политике, новому налоговому законодательству, облегчению налогового бремени крестьян. Именно Бунге принадлежала идея добровольного выкупа земельных наделов крестьянами, освобождаемыми от крепостного права. Став министром, Бунге отменил подушную подать, предпринял первые шаги по переходу к единому подоходному налогу, облегчил налоговое бремя крестьян, частично возместив потерю поступлений в госбюджет за счет новых форм налогообложения более состоятельных слоев населения. Основанный Бунге Крестьянский поземельный банк позволил обеспечить земельных собственников долгосрочными кредитами для покупки новых наделов. Фабричное законодательство, инициатором которого выступил министр, упорядочило отношения рабочих и предпринимателей, ограничило эксплуатацию детского и женского труда, способствовало развитию государственного надзора за соблюдением закона в индустриальных отношениях.

Правительство, возглавляемое Сергеем Витте, предприняло дальнейшие экономические реформы, и, создав рациональную систему налогообложения, стимулировало развитие производительных сил страны. Витте поощрял экспорт, ввел золотой стандарт и ожидал, что Россия будет в состоянии выплатить проценты по своему внешнему долгу, заимствуя у Запада и обслуживая специализированный рынок на Востоке. Ре-

формы Витте позволили России в последние двадцать лет XIX столетия завершить промышленную революцию. Отечественная промышленность, которая была защищена от иностранной конкуренции таможенными пошлинами, процветала. Умеренное налогообложение и государственные кредиты обеспечили финансовый базис для дальнейшего экономического роста. Приток иностранного капитала с Запада увеличился, потому что реформы усилили веру зарубежных инвесторов в финансовую систему России. Сельскохозяйственный экспорт увеличился, хотя общинное землевладение, патриархальная иерархия и другие пережитки феодализма на селе оставались, а реформирование аграрного производства на современный лад явно отставало. Односторонний акцент на индустриализации привел к экономической и социальной неустойчивости в стране.

Параллельно с развитием капиталистической экономики росло и общественное недовольство, вызревали и складывались политические силы и движения, ставшие впоследствии, после революции 1905 года, политическими партиями. Всюду в мире развитие свободной рыночной экономики сопровождалось развитием демократии как формы правления, при которой возможно обеспечить реализацию интересов различных сословий и сегментов общества, прежде всего, конечно, нового активного среднего класса – буржуазии, предпринимателей, финансистов, торговых капиталистов, высокообразованных специалистов. В России же экономическое освобождение народа опережало развитие политических свобод, и политическая неволя сдерживала рост производительных сил.

Очередной российский реформатор Петр Столыпин пытался сокращать общинные формы управления землей и поощрять развитие частной собственности, частной инициативы на селе, но, создавая институт частного землевладения, он разрешал местным властям применять силовой ресурс и жестоко подавлять беспорядки. Столыпинские реформы продолжали идеи Витте о постепенном укреплении на селе индивидуального, подворного и хуторского хозяйства. Однако, как и его предшественники, Столыпин не сумел провести жизненно необходимую России аграрную реформу до конца. Отпущенного России исторического времени оказалось недостаточно для того, чтобы свобода предпринимательства стала реальностью, постоянно действующим фактором общественной среды, определяющей жизненные выборы не только купеческих элит, но и крестьянских масс. Между тем, укрепление частной крестьянской земельной собственности и учреждение демократического правового государства, возможно, предотвратили бы сползание России в хаос, апофеозом которого стали революции 1917 года.

Некоторые историки и политологи считают, что Россия переживала институциональный кризис не менее чем 100 лет, вплоть до революции

1917 года¹. Система царизма была неспособна и/или не желала разработать и внедрить эффективные решения тех проблем, которые стояли перед страной. Самодержавная монархия и класс дворянства представляли главную оппозицию модернизационным реформам. Растущее экономическое неравенство, не только между классами, но и между отдельными сегментами общества, между регионами; постоянное недовольство крестьянства и рабочего класса своим социальным и экономическим положением; невозможность для среднего класса обеспечить полноценное политическое представительство, защиту своих интересов и достоинства сформировали широкую социальную базу для революций начала XX века. Эти революции перенаправили социальную энергию масс из русла экономической инициативы в русло инициативы политической. Деятельное, созидательное начало, всегда присутствующее в народе, будучи подавленным элитами царского общества, выплеснулось прежде всего в разрушительной форме. Нерешенная царским правительством задача социальных инвестиций, развития социального капитала нации как главного двигателя экономического роста досталась в наследство советскому режиму.

СССР. Правительство партии большевиков взяло власть в октябре 1917 года и быстро приняло закон, декларирующий, что отныне рабочие и крестьяне через формируемые ими Советы управляют промышленностью и национализированной землей. В декабре 1917 г. Совет народных комиссаров сформировал Высший совет народного хозяйства, в задачи которого входила организация народного хозяйства и государственных финансов. Однако политика, проводимая новым правительством, оказалась дико непоследовательной, с размахом колебаний от военного коммунизма (1918–1920), нацеленного против свободного рынка, к новой экономической политике (1921–1927), которая ратовала за свободу предпринимательства и рыночных отношений. После смерти Ленина в 1924 г., последовало новое кардинальное изменение в экономической политике. Сталин начал коллективизацию сельского хозяйства и ввел пятилетнее планирование экономики, готовя страну к будущей войне с более индустриально развитым противником.

Советская экономическая модель основывалась на идее командного управления сверху вниз. Предприятия получали производственные задания от высшей исполнительной государственной власти и были ответственны за выполнение этих планов. В системе были часты конфликты ме-

---

¹ Danilov V.P. (2004) "Who Has Led Russia and in Which Direction?" in *Modern Times and Recent Past (1880's to 1990's)*. *Russian Studies in History*, 42(4), 10-13; Lynch, Michael. (2003) *The Emancipation of the Russian Serfs, 1861—A Charter of Freedom or an Act of Betrayal?* *History Review*, 47, 28-32; Raeff Marc. (1984) *Understanding Imperial Russia*. New York: Columbia University Press.

жду народными комиссариатами (министерствами) и руководством предприятий, между различными министерствами и ведомствами. Политическая коррупция, операции на теневом рынке и личные связи часто подменяли плановые цели, и командная экономическая система не могла достичь запланированной сбалансированности и ожидаемых результатов.

Советская экономика показала внушительные темпы роста в 1930-х годах и подверглась существенному структурному преобразованию, создавая множество новых отраслей промышленности. Однако страна заплатила высокую цену за свой экономический успех. Коллективизация привела к широкому распространению голода, который в 1932–1933 гг. затронул наиболее производительные сельскохозяйственные области, такие как Украина и южная Россия. Рабский труд был возрожден в форме лагерей ГУЛАГА, которые служили не только политической, но также и экономической цели. Индустриализация была достигнута ценой сотен тысяч жизней в трудовых лагерях и миллионов обедневших крестьян, вновь закрепощенных в колхозах и совхозах, – без паспортов, с ограничением свободы передвижения, без реальной заработной платы, работавших за «трудодни».

Ценою таких затрат к концу 1950-х годов советская модель зарекомендовала себя вполне конкурентоспособной сравнительно с моделью западной индустриальной экономики. Трудом двух поколений, поверивших в идею государства трудящихся, СССР превратился в сверхдержаву, практически равную США по военной мощи и вторую после США в мире по размеру валового национального продукта – до 43% от ВВП США, рассчитанного по паритету покупательной способности. Высокие темпы роста советского ВВП начали снижаться лишь в 1970-х годах. СССР был мировым лидером в исследовании космоса, высоких технологиях, массовом образовании и предоставлении общественных благ. Советский Союз был первым государством в мире, гарантировавшим своему народу занятость и оплату труда, отдых, образование и медицинскую помощь. Проблема хронической и циклической безработицы была решена в СССР в середине 1930-х гг. В 1980-х гг. советские затраты на образование составляли 7,3–8,2% ВВП, в то время как средний показатель по группе развитых индустриальных государств капиталистического мира не превышал 5,5 процента¹. К 1990 году в стране было больше врачей на душу населения, чем в любой другой стране мира, и в два раза больше

---

¹ National Center for Education Statistics (1991-95) *Digest of Education Statistics*. Available via <http://nces.ed.gov/pubsearch/getpubcats.asp?sid=091#061>

больничных коек, чем в США¹. Средняя продолжительность ежегодных отпусков, отпуска по беременности и родам в СССР были наравне с наиболее щедрыми условиями западноевропейских стран.

Не только жесткость политического строя, но и прогресс в социальном развитии обеспечили Советскому Союзу прорывы в индустриализации, военном строительстве, освоении космоса, науке и культуре. Экономическое развитие и модернизация происходили в прямо пропорциональном соотношении с социальными затратами государства и общества.

После СССР. За первое десятилетие реформ страна потеряла 54 процента своего валового внутреннего продукта и 60 процентов производственных мощностей – больше, чем в 2 раза, чем потери, которые СССР понес во время Второй мировой войны. Валовой национальный продукт России в 2000 г. составил менее чем две трети от объема ВВП, достигнутого в последние годы советского правления.

К началу XXI века реальные доходы населения упали на 60-70 процентов. Индекс потребительских цен рос в среднем на 75 процентов в год в течение десятилетия. К концу девяностых более 44 миллионов из населения России в 148 миллионов человек жили в абсолютной бедности (т.е. менее чем на 32 доллара в месяц); три четверти населения существовали менее чем на сто долларов в месяц.

Основные направления и цели развития Российской Федерации в настоящее время определяются в рамках Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года («Стратегии – 2020»). В самом названии стратегии, в термине «социально-экономическое развитие» отражена тенденция взаимосвязи и взаимовлияния социальных и экономических процессов и результатов. В России эта взаимосвязь наблюдалась в качестве прогрессивных трендов в отдельные периоды XIX–XX вв., когда увеличение свободы трудящихся, развитие образования, здравоохранения сопровождалось ростом макроэкономических результатов, а также научной, военной, культурной мощи народа и государства. И наоборот, экономическая регрессия переходного периода от плановой к рыночной экономике сопровождалась негативными социальными трендами². Пока в стране продолжает раскручиваться негативная социально-экономическая спираль: «бегство мозгов», бегство

---

¹ Association of American Physicians and Surgeons, “Soviets Lead in ‘Right to Health,’” *AAPS News* 46(10) October 1990. Available via <http://www.aapsonline.org/newsletters/oct90.htm>

² Обретение будущего. Стратегия 2012. / Доклад правительству / Институт современного развития. – М.: 2011. с. 130-134, 141, 144-145. [Электронный ресурс] – URL: http://www.insor-russia.ru/files/Findings_of_the_Future.FULL.pdf (Дата обращения: 03.06.2011)

капиталов приводит к снижению качества жизни, управления, образования, здравоохранения, науки, культуры, в результате чего продолжается, как отмечает В. Мау, «стратегия исхода у значительной части населения – причем населения образованного и богатого»¹.

Модернизация и демократизация

Социальное развитие – предпосылка модернизации и демократизации. Эта связь прослеживается в истории Западной и Центрально-Восточной Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, а также ряда государств Латинской Америки, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Во всех случаях становление гражданского общества и правового государства закономерно приводит к появлению не только систем социального обеспечения, но и систем социального развития. Освобождение индивидуума от гнета традиционных структур контроля и ограничение произвола властей независимыми и доступными рядовому субъекту органами судопроизводства дают толчок накоплению социального капитала, который, в свою очередь, реализуется в инициативных, инноваторских действиях предпринимательского характера, новых формах хозяйствования, новых принципах управления развитием капиталистического предприятия. Поощряемая государством свободная экономическая деятельность регулируется на основе норм закона, которые задаются требованиями общества, а не произволом чиновников и власть предержащих.

Социальное развитие есть процесс увеличения позитивных и снижения негативных явлений и процессов в жизни общества. В широком плане, социальное развитие представляет собой динамическую адаптацию системы социальных отношений к меняющимся условиям окружающей среды (технологическим, экономическим, экологическим, политическим)².

Критериями социального развития являются:

- достижение, на основе механизмов общественного саморегулирования и социального контроля, позитивных (по общественной оценке) результатов групповой и индивидуальной деятельности;
- выход общества на более высокий уровень социальной интеграции;

---

¹ В. Мау. Новая модель социально-экономического развития России: подходы к проблеме. / Доклад правительству / [Электронный ресурс]. – URL: http://strategy2020.rian.ru/documents/index_15.html (Дата обращения: 24.06.2012)

² Nelson M. & Singh R. (1998) Democracy, Economic Freedom, Fiscal Policy, and Growth in LDCs: A Fresh Look. *Economic Development and Cultural Change*, 1998, 46(4), 677-696.

- увеличение социального капитала, т.е. доверия, знаний и взаимопомощи в социальных сетях, которые дают возможность решения проблем и задач сообща;
- выработка и успешное применение новых, пользующихся поддержкой населения способов предотвращения и погашения конфликтов;
- трансформация системы социальных отношений в направлении увеличения степеней свободы как отдельного человека, так и социальных групп, с использованием высвобожденного креативного потенциала для решения общественно важных проблем.

Разумеется, установление критериев социального развития, понимание и иерархия ценностей (справедливости, равенства, свободы и т.д.) вариативны. По сути, именно гибкость социальных механизмов, критериев и принципов развития, а также достижение ценностного консенсуса обеспечивают выживание общества, а в благополучные периоды развития – все более полное удовлетворение потребностей людей, гуманизацию отношений как между людьми, так и по отношению к окружающей среде (природной, культурной).

Однако сохранение многих черт традиционной модели политико-экономического развития России не способствует долгосрочному приращению социального капитала и ограничивает предпринимательскую инициативу отношениями патронажно-коррупционного типа.

Посткоммунистическая Россия не воспользовалась положительным опытом ни новой экономической политики В. Ленина, ни реформ, инициированных в Китае 1970-х Дэн Сяо Пином. При нынешнем стремлении ориентироваться на позитивный опыт развитого капитализма докризисного периода Россия по существу чаще осваивала его негативные черты.

Олигархическая революция 1990-х заблокировала развитие по возможному прогрессивному сценарию. Денационализация государственной собственности была проведена элитой в интересах элиты. Элитный раздел собственности был в основном завершён до того, как могло произойти фактическое раскрепощение рядового хозяйствующего субъекта, что не могло не привести к перераспределению капитала по неофеодальному признаку – т.е. в зависимости от благоволения высших чиновников и руководителей государства и по уже занятым «доходным местам» управленческой иерархии. Ориентированные на нужды элит реформы практически исключили возможность приобретения стартового капитала лишенными государственной поддержки массами и подавили инновационное, собственно рыночное, предпринимательство. Его место заняло предпринимательство коррупционно-патронажного типа, продвижение по родству и связям, обогащение за счет привилегированного доступа к го-

сударственному и муниципальному бюджетам. Богатство природных ресурсов позволяет на какое-то время компенсировать разбазаривание социального капитала нации. Однако экстенсивный путь развития имеет свои пределы. Деградация креативно-инновационного потенциала общества ведет к необратимым потерям в экономическом и социальном развитии страны. Без освобождения рядового хозяйствующего субъекта нет развития.

Рассмотрим две главных составляющих такого, пока еще не реализованного в полной мере, освобождения: демократизацию и социальное развитие.

В теории модернизации неизменно актуальным на протяжении нескольких десятилетий остается исследование прямого и обратного влияния политических систем, существующих в стране, на ее экономическое развитие. Липсет обнаружил позитивную линейную взаимосвязь между уровнем социо-экономического развития и развитием демократических институтов¹; его работа на новом статистическом материале была поддержана Хелливелом, который исследовал данные по 125 странам с 1960 по 1985 гг.²; Буркхардом и Льюис-Беком³. Корреляционный и регрессионный анализ статистических данных из многих стран мира на протяжении длительных исторических периодов, предпринятый Катрайтом и Вайли, З. Аратом, другими учеными, обеспечил очевидность взаимосвязи между экономическим ростом и демократизацией политической системы государств⁴. Модернизационные реформы, которые проводились на рубеже XX–XXI вв. многими странами мира, дали новый эмпирический материал для заключений о том, является ли данная взаимосвязь системной. Пржеворски и Лимонги, анализируя статистические исследования по 21 государству, обнаружили, что в восьми странах экономический рост связан с демократическими реформами, в восьми странах – модернизация успешно осуществлялась в условиях авторитаризма, и в пяти странах ли-

---

¹ Lipset S. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*, 53, 69-105.

² Helliwell J. (1994) Empirical Linkages between Democracy and Economic Growth. *British Journal of Political Science*, 24, 225–48.

³ Burkhart R. and Lewis-Beck M. (1994) Comparative Democracy: The Economic Development Thesis. *American Political Science Review*, 88, 903–10.

⁴ Cutright Ph. And Wiley J. (1969) Modernization and Political Representation, 1927-1966. *Studies in Comparative International Development*, 5, 23-58; Arat Z. (1988) Democracy and Economic Development: Modernization Theory Revisited. *Comparative Politics*, 21(1), 21-36.

нейной взаимосвязи между демократизацией и ростом основных макроэкономических показателей не обнаружено¹.

Новейшие исследования показывают, что в экономически развитых постиндустриальных странах, которые переходят к развитию по инновационному типу, взаимосвязь между современной модернизацией и дальнейшей демократизацией несущественна, но позитивная корреляция между демократическими реформами и экономическим ростом выявлена для стран, находящихся на среднем уровне развития². То, что экономическое развитие повышает социальный заказ на демократическое устройство общества, является достаточно хорошо установленным в современной социологии фактом³. Однако не менее значимой следует признать и обратную зависимость: экономическое развитие по капиталистическому типу, модернизация, продуктивное применение социального капитала невозможны, если экономическая и политическая свобода выбора личности не обеспечены государством и законом. Свобода предпринимательства, совершенно очевидно, не может укорениться в государстве, не признающем первенства закона, а правовое государство, в свою очередь, не может быть авторитарным. Только демократия обеспечивает и верховенство закона, и защиту интересов предпринимателя. Корреляция между демократией и экономическим развитием страны требует полномасштабного описания причинно-следственного механизма такой взаимосвязи. Не вдаваясь в детальный анализ этого механизма, мы ограничимся констатацией необходимости демократических реформ для успеха политики модернизации в современном обществе.

Как свидетельствует исторический опыт России и других стран мира, цель модернизации ставится политическими элитами, которые используют государство, его рычаги и механизмы, для осуществления необходимых изменений.

Особенности политической системы и характеристики политической элиты во многом определяют выбор направлений модернизации, а также структур, на которые направляются основные трансформирующие воздействия. Способы принятия решений на макроуровне, способы и средства воздействия на административные, экономические структуры и общество для претворения политики модернизации в жизнь; способы преодоления сопротивления изменениям; выбор ведущих ресурсов власти, ис-

¹ Przeworski A. & Limongi F. (1997) Political Regimes and Economic Growth. *Journal of Economic Perspectives*, 7, 1002–37.

² Yap, O. F. (2012) A Strategic Model of Economic Performance and Democratization in South Korea and Taiwan. *British Journal of Political Science*, 42(1), 213–239.

³ Inglehart R., & Welzel Ch. (2009) How Development Leads to Democracy: What We Know about Modernization. *Foreign Affairs*, 88(2), 33–48.

пользуемых в политике модернизации, также предопределяются объективными (политическая система) и субъективными (личностными) характеристиками политической элиты. Успехи многих стран мира связывают с политическим лидером, инициировавшим модернизационные изменения (в XX веке это И. Сталин, Кемаль Ататюрк, Ф. Рузвельт, Дэн Сяо Пин); либо с коллективными усилиями правительств реформаторов (правительство Патрисио Эйлвина в Чили).

Политическую элиту во все исторические эпохи, не исключая настоящей, можно определить как группу людей, непосредственно контролирующую силовые аппараты власти либо направляющих и организующих их работу. В классической интерпретации Макса Вебера, основным признаком государства является установление исключительного (монопольного) права на применение физического насилия в пределах данной территории¹. Таким образом, насилие или угроза его применения должны рассматриваться как основной, собственно политический, ресурс власти. Хозяйственные и прочие руководители, не имеющие доступа к силовым аппаратам власти, могут рассматриваться как часть административной верхушки государства, но не его собственно политической элиты.

Вебер уточняет: речь идет об установлении монополии на «законное», «легитимное», или «признанное» применение силы. Однако легитимность власти во многом сама поверяется успехом власти в деле поддержания монополии на организованное, систематическое применение инструментов насилия: проще говоря, по факту того, что власть установилась, и другой в наличии нету. Ключевой компонентой легитимности власти является согласие элит на предлагаемое данным политическим режимом распределение властных функций. Как пишет Чарльз Тилли, легитимность – это вероятность того, что другие власти будут действовать для подтверждения решений данной власти².

Все многообразие действующих в настоящее время систем управления социальным развитием можно свести к четырем "идеально-типическим" (М. Вебер) моделям. Традиционные – авторитарная и патерналистская модели характеризуются тем, что субъект управления распределяет блага, устанавливает правила, организует социальное обеспечение и направляет социальные процессы при весьма ограниченном участии в этих процессах масс. Либеральная и неокорпоративная модели в большей степени основаны на самоуправлении участников, которые интегрируют

---

¹ Weber, M. (1965) *Politics as a Vocation* /Trans. By H.H. Gerth and C. Wright Mills. – Philadelphia: Fortress Press.

² Tilly, C. *War making and state making as organized crime*. In M. Kesselman and J. Krieger (Eds.), *Readings in Comparative Politics: Political Challenges and Changing Agendas*. Boston: Houghton Mifflin. 2006, p. 46.

свои вклады и деятельность по решению общих проблем, являясь одновременно субъектами и объектами управления, донорами и реципиентами системы распределения благ. Патерналистско-модернизирующая модель сочетает традиционную основу с элементами неокорпоративных и квазилиберальных новаций; активная вовлеченность масс является необходимым условием ее успеха.

Авторитарные способы управления социальным развитием, как правило, сводят систему социального обеспечения к минимуму, выделяя, однако, отдельные привилегированные группы населения, получающие диспропорционально большую долю общественного продукта по прихоти власть имущих. Ценность привилегированных групп в глазах режима определяется утилитарно: по месту этих групп (армии, полиции, ветеранов, парамилитариев, идеологических работников) в системе политической поддержки властного субъекта. Примерами этого способа распределения социальных благ являются Северная Корея, Зимбабве, Куба, Сирия.

Патерналистские модели характерны, с одной стороны, для авторитарных и полуавторитарных режимов, управляемых харизматическими лидерами – Ливии (до последних событий), Шри Ланки, Казахстана, а с другой стороны, для фактически однопартийных, неплюралистических государств, классическим примером сегодня является Иран. Патерналистско-модернизирующая модель, наиболее ярким примером которой является Китай, отличается от традиционной патерналистской тем, что властная элита оправдывает свое право на существование успехами в модернизации страны и повышении жизненного уровня народа.

Возникновение массового (вовлекающегося в демократизацию) общества и избирательной демократии меняют динамику властных отношений и способы селекции элит. В массовом обществе легитимность власти определяется реакцией масс в не меньшей, а то и большей степени, чем согласием элит. Самоназначение и лояльность вождю, клиентелизм и наследственные иерархии постепенно отступают на второй план. На первый план выдвигается способность мобилизовать массы. Зачем? Прежде всего для того, чтобы получить и периодически возобновлять мандат на власть, обеспечить хотя бы в минимальной форме несопротивление режиму.

Конечно, мобилизовать и организовать массы вполне возможно путем насилия или угрозы его применения. Однако, такая мобилизация скоротечна и исторически неустойчива. Насилие стоит недешево и, если применять его регулярно, банкротит элиты в прямом и переносном смысле слова. Политические элиты, продолжающие в условиях массового общества делать главную ставку на силовые аппараты власти, обречены на провал. Во-первых, они проигрывают в глобальном соревновании элитам других, более экономных и эффективных в части затрат государств. Во-

вторых, затягивание перехода от посттоталитарного государства к государству демократическому питает массовый цинизм и подрывает легитимность власти, т.е. доверие масс элитам.

Недостаточная защита частной собственности, отсутствие механизмов общественного контроля и привлечения к ответственности политиков и руководителей высокого уровня, рискованная зависимость от личностей, а не от закона, нечестность судебной системы, системная коррупция и другие факторы, характерные для посттоталитарного государства, формируют неблагоприятный инвестиционный климат, подавляют предпринимательскую активность. Эмпирическим доказательством недоверия, например, российских предпринимателей властям является постоянная тенденция вывоза (оттока) финансового капитала из страны. В 2011 году (выборов в Государственную думу и начала президентской избирательной кампании) чистый отток капитала достиг 84,2 млрд долл., а общий объем утечки капитала с 1991 г., по оценкам Forbes, превышает 400 млрд долл. США¹. Широко распространенной стратегией частной жизни для высшего класса России является приобретение недвижимости и бизнеса за рубежом, учеба детей в зарубежных колледжах и университетах, постоянное проживание семьи за пределами страны, приобретение двойного гражданства.

Делегитимизированные таким образом элиты оказываются не способны выполнять свои главные функции – мобилизации масс и интеграции политической системы общества. Другими словами, они оказываются не способны собственно управлять и начинают попросту паразитировать на теле общества.

Массовое общество (осознавшее свои интересы и стремящееся к их реализации) отличается от традиционного беспрецедентным политическим весом масс. При этом не столь важно, вполне ли актуализирован этот ресурс или пока еще латентен. Важно, что власть более не в состоянии игнорировать реальный политический потенциал неэлитных слоев населения. Социальная значимость и индивидуальные компетенции отдельно взятого неэлитного субъекта массового общества достигают тако-

---

¹ ЦБ РФ. (2012) Макроэкономическая статистика. Статистика внешнего сектора. Платежный баланс и иные статистические материалы. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 1994-2011 годах и январе-июне 2012 года (по данным платежного баланса Российской Федерации). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710 (Дата обращения 12.06.2012); Козырев М., Березанская Е. (2010) Как уходят за рубеж российские капиталы и почему они возвращаются. Расследование Forbes 23 апреля 2010 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika/rynki/48758-kak-uhodyat-za-rubezh-rossiiskie-kapitaly> (Дата обращения 14.06.2012).

го уровня включенности в политический процесс, что игнорировать их систематически становится возможным только с ущербом для собственного интереса элит. Неуклонное возрастание политического веса «низших классов» лишает элиты свободы маневра. При этом мотивация к демократии является выражением базовой потребности человека – иметь свободу выбора.

Возникновение избирательной (репрезентативной) демократии призвано разрешить историческое противоречие масс и элит в политической сфере жизни. Появление государства «всеобщего благоденствия», социальных служб и программ социальной защиты населения смягчает это же противоречие в области экономики. Наконец, капитализм XX века с его "американской мечтой" о том, что каждый может стать миллионером (или, например, президентом), по-видимому, ликвидирует традиционное понятие элиты полностью, растворяет его в гражданском обществе, ставит в зависимость от личных талантов, успеха на рынке, трудолюбия и упорства. Глобальная интеграция капиталистических рынков разносит этот миф по всей планете, окончательно устраняя таким образом представление масс населения о зависимости своего благосостояния от доброй воли власти.

Вместе с тем, глобализация и продолжающееся "омассовление" экономики, политики, культуры, социальной жизни и информационных потоков существенно притупляют традиционные инструменты власти: монополию на физическое насилие в отношении общества, особые права на установление собственных принципов национальной организации экономики, способность направлять культурно-информационные потоки в желаемом элитам направлении. Интернет-революция освобождает отдельно взятую "массовидную" личность от культурно-информационного патронажа со стороны политических элит.

Задача массовой мобилизации при отсутствии демократизации и реального рассредоточения власти может оказаться не под силу даже наиболее искусственным пропагандистам и представителям политически zaangażированных СМИ. Попытка подменить мобилизацию манипуляцией общественным мнением, как правило, бьет бумерангом по своим же инициаторам: во-первых, интернет-массы довольно быстро распознают фальшивку, а во-вторых, популистское заигрывание элит с народом лишь углубляет массовый цинизм и социальную аномию, отчуждение народа от политической верхушки. "Виртуализация" политического процесса, т.е. подмена реального лидерства его виртуальными слепками, имиджмейкингом и «пиаром», как и угроза насилия, может лишь отдалить коллапс недемократических режимов, но не в состоянии его предотвратить.

Выход из этого тупика только один – последовательное включение масс в реальную политику и экономику, демократизация, развитие гражданского общества. Успех модернизационных реформ в новом, глобальном мире XXI века основан на инновационном потенциале масс, который, в свою очередь, зависит от степени социального развития общества. Успехи в наращивании социального капитала определяют исход международного соревнования стран и систем. Сознательное творчество масс выступает в качестве нового, ключевого ресурса власти. Однако задействовать это творчество можно лишь на основе обеспечения реальной экономической и политической свободы рядового хозяйствующего субъекта, на основе естественной инициативы не связанной в системе элитарного передела собственности личности; на основе системы народного капитализма, растущей в рамках правового, демократического государства, системы, которую России так и не удалось реализовать в ходе затянувшегося столетия революций и реформ.
